

Глава 6

«Волхитные книжки»

Не так и не удалось в своих сибирских путешествиях найти ни одной из них — слишком тайный, сокровенный это пласт народной средневековой культуры. Но кое-что цитировали по памяти, причем как раз — самые суровые старики, лучше всего знавшие категорические запреты авторитетных церковных писателей на эти книги, на любую магию и волшебство. Многие заговорные тексты и формулы были давно опубликованы и анализировались в работах фольклористов как интереснейшие памятники народного художественного творчества. Хотелось не просто увеличить число известных текстов, но и посмотреть, какую роль они играли в общественном сознании прошлых веков. Поэтому встречи с живыми носителями старой традиции, естественно, дополнялись поисками судебных дел, отложившихся в архивах XVII–XVIII вв.

Впервые на эту тему я вышел во время третьей своей экспедиции. Старик Авксентий, имевший у себя пару обычных массовых изданий Московского печатного двора XVII в., охотно показал нам книги и несколько дней подолгу беседовал с нами о старой литературе и о жизни. Вспоминая на склоне дней почти сотню прожитых лет, проведенных им на берегах бирюзовой Катунь, он с особым удовольствием рассказывал о своих охотничьих подвигах. Среди этих рассказов вполне естественно прозвучал в его устах текст древнего охотничьего заговора, помогавшего его старому ружьецу. Бытовал в этом селе и «соседний» фольклорный жанр — былички, рассказы о встречах с нечистой силой, где действовали довольно-таки простодушные, немножко гоголевские «беси». Позднее я прочитаю в журнале «Советская этнография» интересную статью новосибирского исследователя Санарова о том, что в наши дни в более просвещенной среде, уже ощущающей наивность средневековой веры в волшебство, традиционные былички замещаются близкими к ним по жанру устными рассказами о встречах с инопланетянами, «пришельцами».

Вся эта тема вскоре возникает вновь во время другого нашего маршрута, за сотни километров от алтайского села. Мы шли тогда по старым кержацким поселениям, отметившим передний край русской крестьянской колонизации. Природная граница удивительно четко совпала здесь с этнической и государственной — по одну сторону маленькой речушки была сочная зелень возделанных полей и сенокосов, по другую — желтизна песка и снежная голубизна поднебес-

ных гор Китая, куда не заходил русский плуг. Среди зелени близ самой воды стояла маленькая деревенька, куда мы направлялись. На границе тогда было неспокойно, названия соседних мест недаром мелькали в газетах, и мы не удивились, когда сопровождавший нас на совхозном газике председатель сельсовета осведомился, не страшно ли ехать в эту деревеньку с типичным среднерусским названием. Дальнейшую беседу он вел с той неторопливой степенностью коренных сибирских земледельцев, что так успешно скрывает и легкую иронию, и прямую насмешку: оказалось, что бояться нам в первую очередь следовало местных колдунов, которыми это поселение славилось в округе с незапамятных времен. Правда, тут же выяснилось, что из представителей этой древней профессии сейчас осталась только одна женщина-травница, к большому дому которой нас и подвез совхозный шофер.

Ничего таинственного ни на широком подворье, ни в достаточно современной обстановке дома не было, разве что развешанные под навесом многочисленные пучки лечебных трав, сложным ароматом которых с преобладанием валерианы пропиталось все вокруг. Да еще несомненное пристрастие хозяйки к черной домашней птице и огромному черному псу. В избе среди трех-четырёх икон выделялась явным народным вкусом одна — Никола, святой епископ Мирликийский был на ней одет не в канонические кресчатые ризы, а в простую рубаху фабричного ситчика в зелёный горошек (см. рис. 22 на цв. вклейке).

Разговор как-то очень быстро перешёл на непростые проблемы соотношения магии и веры. Упорно настаивать на обличениях и запретах магии отцами Церкви я тогда не стал, но все же порядка ради упомянул об известном Слове по этому поводу Иоанна Златоуста. И в ответ получил вполне резонное замечание, что все дело в целях и помыслах. И что хороший заговор только поможет хорошей траве изгнать болезнь, а это не может быть во зло человеку. И что многие глубокие богословские умы в прошлые века очень интересовались магией.

Вот тут я и услышал от своей собеседницы имя, протянувшее из русской избы нашего века ниточку в Арагонское королевство XIII столетия. Стольник арагонского короля и развеселый поэт Раймунд Люллий в 1266 г. во время сочинения им очередной эротической песни имел, по его словам, видение, превратившее его в сурового аскета и одного из знаменитейших философов Средневековья. Он пытался создать «великую науку», единую систему, объясняющую логическим путем развёртывания немногих начальных постулатов все догмы христианского богословия и истины положительных наук. По мнению В. Соловьёва, его система была средневековой предшественницей уче-

ния Гегеля. Гонимый инквизицией, но защищённый королем, он с увлечением отдавался проповеди на арабском языке христианства и был во время одной из таких проповедей в Тунисе насмерть забит камнями. Его тело, подобранное и привезённое на родину одним из предков Христофора Колумба, стало вскоре объектом культа, а его учение приобретало в XIV–XV вв. все большую популярность. Среди его комментаторов встречаем имя Джордано Бруно. Многочисленные его ученики и последователи, переписывая сочинения учителя, немало добавили в них, особенно — по части астрологии и магии, и таким образом Раймунд стал посмертно крупным авторитетом именно в этой, во многом ему чуждой, сфере. На Руси его «Великая наука» стала известна в XVII в. Как доказал ленинградский исследователь А. Х. Горфункель, автором наиболее популярного в XVIII в. оригинального изложения учения Раймунда Люллия, созданного в последние годы XVII в., был интересный мыслитель А. Х. Белобочский. Сокращённый вариант «Великой науки Раймунда Люллия» вскоре написал знаменитый руководитель беспоповцев-поморцев А. Денисов. А. Х. Горфункель считает весьма вероятным, что с этим сочинениемзнакомился М. В. Ломоносов в 1724–1725 гг., в годы временного его вовлечения в ряды беспоповцев (см. рис. 17, 23 на цв. вклейке).

Со слов нашей собеседницы явствовало, что лет 30 назад в их краях ходил какой-то рукописный вариант этой книги, пополненный очень интересными материалами — заговорными формулами явно отечественного происхождения. Случайно получилось так, что незадолго до этого в одном из столичных книгохранилищ я читал знаменитый труд бывшего арагонского поэта во вполне благочестивой, кстати говоря, редакции. Не без умысла упомянул я о знакомстве с этой книгой — и результат превзошёл все мои ожидания. «Так, значит, ты и бесей вызывать умеешь», — тут же сделала безапелляционный вывод хозяйка, и все мои очень искренние протесты лишь укрепили ее в этом мнении. И я сразу ощутил весьма уважительное отношение к себе.

В результате выходили мы из этого дома не с пустыми руками. Но все дальнейшие розыски по полученным сведениям книги Раймунда Люллия так и не дали результата, слишком много прошло времени, сменилось людей. И все-таки польза для меня была: я научился не проходить мимо этой важной стороны народного сознания прошлых веков. А иначе не понять многого и в литературе, и в поведении людей того времени. Например, тема «призывания бесей» серьезно изучалась на многих инквизиционных процессах в России XVII–XVIII вв. Она же лежит в центре сюжета одного из лучших произведений русской демократической литературы XVII в. — Повести о Сав-

ве Грудцыне и нескольких других литературных сочинений. При этом оказалось (как это позднее подтвердила на многих архивных и фольклорных источниках наша талантливая исследовательница О. Д. Журавель), что литературный материал удивительно точно накладывается на жизненный — на народные представления, отразившиеся в судебных документах. Ради одного этого вывода стоило предпринимать тщательный архивный поиск.

А в ходе этого поиска вдруг выяснилось, что тема средневековых магических заблуждений связана со многими другими, в том числе, к моему изумлению, и с такой вполне солидной и уважаемой тогдашними советскими историками темой, как антифеодалная классовая борьба. Вот только так до сих пор мне и не ясно, куда именно в сложной «истматовской» систематизации форм классовой борьбы отнести вызывавшие панический страх воевод попытки сибиряков XVII в. напускать порчу на представителей власти при помощи заговорных формул и действий.

* * *

Вообще-то Москва давно была обеспокоена разгулом в Сибири неподвластной ей колдовской силы, ставившей под сомнение всемогущество власти Церкви и государя. В известной серии царских и патриарших грамот XVII в., направленных на оживление деятельности воевод и архиереев по борьбе с колдовством и язычеством, есть и грамота царя Алексея Михайловича от 15 января 1654 г. в Томск, где, в частности, говорится: «Ведомо учинилось... что в Сибирских городах многие незнающие люди, забыв страх божий и не памятуя смертново часу и не чая себе за то вечные муки, держат у себя отреченные книги и писма и заговоры и коренья и отравы, и ходят к ведунам и к ворожеям, и на гадательных книгах костми ворожат, и тем кореньем и отравы и еретическими наговоры многих людей насмерть портят, и от тое их порчи многие люди мучатца различными болезнями и помирают». Царь, «милосердуя о тех погибших и заблудших», приказал в Томске, Енисейске и других сибирских городах читать этот указ по торгам, «чтоб всяких чинов люди с нынешнево... указу от таких злых богомерзких дел отстали».

Томск и Енисейск здесь названы не случайно. В Центральном государственном архиве древних актов, в фонде Сибирского приказа, управлявшего из Москвы бескрайними просторами востока страны, сохранились соответствующие дела, рассматривавшиеся незадолго до царского указа 1654 г.

В Томске в 1650 г. воеводы вели жестокое следствие над присланной из Нарыма группой колдунов. Двое гулящих и двое дворо-

вых людей Нарыма, сообщалось в Москву, так успешно занимались заговорами, что нанесли этим немалый вред нескольким жителям города и самому воеводе Федору Головачеву. На допросах с пристрастием выплыло эффективное применение ими присушек, не очень ясные по результатам медицинский заговор и снятие порчи (наложенной якобы одним из этих колдунов «по ошибке»). Муж одной из присушенных жен с группой друзей, не дожидаясь защиты со стороны воеводской власти, сам провел инквизиционное следствие, с пытками и записью показаний. Воевода Нарыма активно включился в эту борьбу, лишь когда оказалось, что колдуны испортили и его самого. Ему дали в еде ржаной муки, смешанной с дроздовым гнездом, причем над мукой и гнездом был прочитан текст заговора о благоволении начальства (в данном случае — о благоволении воеводы Федора Головачева к гулящему Михаилу Иванову): «чтоб раб Божий Федор вился около ево, Мишки, как птица прилетает к гнезду и около детей вьетца». Но испорченный воевода опасно заболел и сообщил обо всем в Москву и Томск. По государевой грамоте двое колдунов были повешены, а двое других наказаны кнутом.

В Енисейске успешную борьбу с местными русскими колдунами, занимавшимися ворожбой, заговорами и знахарством, провел воевода Афанасий Пашков. Тот самый, который вскоре отправится в поход в Даурию, взяв с собою неистового протопопа Аввакума. Ярчайшие страницы Жития протопопа Аввакума будут посвящены его единоборству с воеводой, в том числе и страстному обличению Аввакумом попытки Пашкова прибегнуть к помощи шаманского колдовства, чтобы узнать судьбу воеводского сына Еремея. Но за несколько лет до этих событий енисейский воевода, подобно своему томскому собрату, спешит отчитаться перед Москвой в успешных мерах борьбы с колдовством.

Однако далеко не всегда сибирские воеводы могли похвалиться такими успехами. Подчас дело оборачивалось иначе, и колдунам удавалось немало навредить представителям власти, пока их не постигнет суровая рука инквизиционного правосудия.

Сохранилось интересное дело 1679 г., повествующее об упорной борьбе сургутских крестьян, казаков, дворовых против своего воеводы князя Константина Щербатого. Они избрали опасный, но действенный метод борьбы против жестокого воеводы. Константин Нефедович Щербатов жаловался царю Федору Алексеевичу: «В нынешнем, государь, во 187-м году портили меня, холопа твоего, и женишку и детишек моих дворовые мои людишки — Гришка Егубьев с сестрою Акулькою, да девка Марфутка Павлова. А в допросе, государь, они и с пытки говорили, что им наговорной хлеб, и соль, и траву, и порох да-

вали сургутской казак Ларка Ярофеев да денщик Ивашко Костянтинов. А велели де, государь, тот наговорной хлеб и соль и траву и порох давать мне, холопу твоему, и женишке и детишкам моим в еже». Все пятеро подозреваемых полностью сознались и дали подробные показания о порче воеводы, подтвержденные и свидетельствами нескольких других лиц (среди них также были дворовые воеводы и сургутские жители). Оказалось, что воеводу и его семейство портили настойчиво и целеустремленно, сознательно идя на связанный с этим немалый риск. Дворовые холопы воеводы, соединившись для опасного дела с сибирскими казаками, хорошо понимали, что для избавления таким путем от жестокого воеводы им прежде всего нужны знания — нужна точная информация о методах и текстах тайной магической науки. К счастью, соответствующие специалисты имелись и в Сургуте, и в родовых вотчинах Щербатовых в далеком Бежецком Верхе. Заговорщики воспользовались обоими этими путями. В Сургуте главным знатоком оказался упомянутый казак Ларион Ерофеев, а в Бежецком Верхе — сразу несколько умельцев: «задворной человек Васька Михайлов... ворожит и коренщик», «крестьянин... Васка Брюзга ворожбу свою отдал сыну своему Мишке Васильеву», дворовый детина Ермошка Антонов «ворожит и знатлив». Порчу воеводского семейства организовали сразу по нескольким направлениям. Дворовый Г. Егубьев купил за гривну денег наговорный порох у воеводского денщика И. Константинова и передал его своей сестре Акулине «для порчи» старшей княжны. Порох был разведен в «бураке» (туеске) водою, и его нужно было давать пить княжне. С той же целью ей давали пить настойку какого-то «коренья». Одновременно казак Л. Ерофеев дал дворовой девке Марфутке Павловой «наговорной хлеб с солью и траву» и велел «давать боярем в кушанье», что она и делала. Потом все они еще раз попробовали против бояр заговоренный «мушкетный порох».

Прежде чем перейти к главной ответственной цели — воеводскому семейству, решили испытать действенность полученных знаний более обычным житейским образом. Дворовый воеводы Никишка Максимов, проконсультировавшись еще раз с сургутским коновалом Кириюшкой, решил использовать наговорные перец и соль с традиционной целью присухи. «И тое де соль метал во шти дворовой женке Ольке Ивановой для того, чтоб она с ним от мужа своего Онфимки Костянтинова жила блудным делом». Ольга, узнав обо всем деле и о смертельном риске, на который пошел ради нее Кириюшка, поняла, что сопротивление нечистой силе заговора бесполезно. Позднее, во время следствия, она на пытке признавала высокую эффективность этой присухи. Обвиняли ее, конечно, не в том, что она

не смогла противостоять ей, а куда более тривиально — в недонесительстве на своего милого.

Воевода также утверждал, что колдовство против его семейства оказалось очень действенным. Он жаловался царю: «И от тое, государь, порчи мне, холопу твоему, и женишке и детишкам моим болезни чинятся беспрестане». Воевода не посмел наказать колдунов своей властью и сообщил обо всем следствии царю, решение которого в деле не сохранилось.

Другой подобный случай кончился для воеводы еще более трагически. В конце 1686 г. туринский воевода Игнатий Дурново почувствовал приближение смерти от порчи, насланной на него двумя колдунами, которые ранее были им наказаны. Это известие взбудоражило весь город и уезд, сотни людей сумели побывать в эти дни в воеводском доме, чтобы лично убедиться, что здоровье испорченного воеводы все ухудшается. 2 декабря в присутствии многочисленных свидетелей воевода продиктовал свое духовное завещание, в котором назвал имена испортивших его колдунов, закончив этот документ патетической фразой: «И от той их порчи отошел в землю». Сразу же после этого Игнатий Дурново скончался. Во время широкого следствия туринские «стрелцы и посадские и ямщики и крестьяне сто тритцать восм человек сказали», что колдуны похвалялись ранее извести воеводу и произнесли страшную заговорную формулу: «Каковы де у них на ногах башмаки черны, таково де у воеводы Игнатья Дурново сердце будет черно, и каково де воевода сковал их в железа, таково де у него сковано будет сердце».

Смерть Игнатия Дурново, конечно, поддается вполне рационалистическому объяснению. Его глубокая вера в непреодолимую силу заговоров укреплялась и постоянными напоминаниями в царских и патриарших указах о государственной важности борьбы с колдовством, и частыми требованиями самого населения не забывать об этой стороне административной деятельности. Ему уже приходилось сталкиваться со злобными колдунами и в собственной воеводской практике. Легко представить, как, занятый целым ворохом трудных управленческих дел, поддержанием рушащейся финансовой системы и не менее сложными проблемами собственного незаконного обогащения, воевода вдруг услышал о произнесенной формуле проклятия его сердца. Тут может быть такой стресс, что и современная медицина признает его вполне смертельным.

Заговоры действовали, пока в их действие свято верили. Характерно, как медленно даже в высших сферах разуверялись в колдовской силе заговоров в просвещенные времена российского европеизированного абсолютизма. Страх Петра I, как бы «ружья заговори-

тель» не снизил боеспособности победоносного российского воинства, продиктовал жестокие меры борьбы с колдовством, записанные в важнейшем юридическом документе новой России — Воинском артикуле. Дела, в которых можно было подозревать колдовской умысел на особу государя, и при Петре I, как и в прежние, менее просвещенные времена, рассматривались как тягчайшее государственное преступление и шли по категории «слова и дела».

В архиве Преображенского приказа сохранился интересный случай сознательного превращения традиционного текста заговора от ружья в магический антипетровский документ. В 1719 г. И. В. Бабушкин, человек А. Строганова, под диктовку зарайского посадского Г. Кочергина записал текст заговора от ружья, в который Г. Кочергин внес затем проклятие правящему монарху:

«Лежит дорога, через тое дорогу лежит колода, по той колоде идет сам сатана, несет кулек песку да ушат воды, песком ружье заряжает, водой ружье заливает; как в ухе сера кипит, так бы в ружье порох кипел; а он бы, оберегатель мой, повсегда бодр был; а монарх наш, царь Петр, буди проклят, буди проклят, буди проклят».

Очень сурово вел Преображенский приказ в год смерти Петра I и воцарения Екатерины I (1725) еще одно колдовское дело, где фигурировали сразу и письменный договор с Сатаной, и попытка крепостного разделаться со своими господами, обвинив их в колдовском умысле на здоровье императрицы. Дело это обнаружил в архиве один из первых советских исследователей народной литературы и народного сознания В. Н. Перетц (в его знаменитом семинаре в Самаре вскоре после Гражданской войны посчастливилось заниматься недавнему бойцу Чапаевской дивизии Михаилу Николаевичу Тихомирову). В. Н. Перетц еще в 1907 г. в киевском университетском издании опубликовал дело некоего В. Данилова, дворового человека князя В. М. Долгорукого, подписавшего своей кровью (что не очень характерно для православных) формальный договор с Сатаной. Последнего он явно представлял не в виде отечественного Перуна или других языческих богов славянского пантеона, как бывало в средневековой Руси, а каким-то подобием западного Мефистофеля. Петровские новации видны и в том, что смысленный дворовый побывал вместе с господами за границей и поднаторел в иностранных языках и европейской магии. Сочетая домашние традиции с иноземными, договор он написал «латинским диалектом». Прошение было, впрочем, вполне российским: крепостной человек хотел лишь, чтобы его хозяева были к нему милостивы, и запродавал за это свою душу. Той же ночью «явился ему дьявол во сне» и обещал требуемое. Дьявол честно исполнил свое обещание, но потом присоветовал ему сна-

чала стать церковным вором, а затем оговорить свою госпожу княгиню А. В. Долгорукову и княгиню Ф. В. Голицыну в намерении извести, отравить или приворожить императрицу Екатерину I. Это и привело В. Данилова в Преображенский приказ, где дьявол его, конечно, покинул.

При подозрительной Анне Иоанновне заговоры хотя и стали попросветительски именовать невежественным суеверием, меры борьбы с ними, как мы вскоре увидим, были еще более ужесточены. Эти меры стали в судебной практике слегка смягчаться (если дело не касалось правящих особ) лишь в следующее правление. Но и в елизаветинское время власти не утратили своего рвения при малейшем намеке на колдовскую угрозу монарху.

В 1746 г. в Тобольске развернулось несколько следственных дел вокруг фигуры бывшего учителя гарнизонной школы Петра Кирьякова. Среди прочего ему припомнили колдовство, в том числе хранение текстов многих народных заговоров. В разгар следствия П. Кирьяков заявил вдруг, что знает о возможности таинственного «умысла на государево здоровье» со стороны дочери сибирского губернатора Сухарева Жеребцовой. Вздорность доноса была очевидна, никаких фактов у П. Кирьякова не было, даже способы магического умысла он уточнить не мог, тем не менее столичная Канцелярия тайных розыскных дел немедленно начала дотошное расследование. В ходе его выяснилось, что школьный учитель сам далеко не безгрешен по части колдовства. Он упорно избегал церковной исповеди и причастия, боясь, чтобы это не лишило его колдовской силы. Более 20 лет назад, в 1725 г., у него и трех его товарищей было найдено целых 43 заговорных текста — «богомерзких и слову божью противных заговорных и других непотребных писем, ис которых тогда по выимке и осмотру явилось, а имянно:

- как присушать женских лиц к блудодеянию — четыре писма, каковы он, Кирьяков, для некоторых двух девок и в действо производил,
- заговорных от огненного и всякого ружья и стрелбы, и от железа, меди, кости и камени и древа, и от всякаго зверя, от еретиков, колдунов и от иноземцов всяких родов — дватцать восемь писем,
- да четыре письма заговорных от раны и от крови, от щепоты и от опухоли,
- два заговорные ж от порезу,
- и два, как продевать иглу сквозь щеку безвредно,
- да одно писмо, названное Сном Богородицы,
- одно от уроков и призоров,
- одно о птичьей приваде,
- одно, как хранить на свадьбах от порчи».

Этот обширный список «волхитных книжек» учителя далеко не покрывает всего разнообразия целей, с которыми сибиряки XVIII в. (как и жители европейских губерний России) обращались к магии. В повседневной жизни едва ли не большее значение, чем заговоры любовной магии (присушки и отсушки в мужских и женских вариантах), имели попытки заручиться помощью потусторонних сил для обеспечения благоволения всевозможного начальства — заговоры «како ко властям ходить».

Стоит, пожалуй, привести этот полезный текст — во времена Петра I его употребление каралось не менее жестоко, чем во времена Василия III и Ивана Грозного, феодальные власти видели в нем угрозу нормальному функционированию административного механизма.

В 1723 г. человек тобольского бургомистра Якима Трухина якут Алексей Якимов подсмотрел, что его хозяин, почтенный православный прихожанин, отправляясь в магистрат, каждый раз читал какое-то письмо, спрятанное под матицей его дома. Письмо было найдено и оказалось заговором о благоволении начальства. Так как в тексте заговора упоминались «православные цари и царицы», было объявлено «слово и дело» по первому пункту и в Преображенский приказ было доставлено из Тобольска 11 человек. Бургомистр в конце концов оправдался, объявив, что заговор ему не принадлежал, и свалив все на своего дворового А. Якимова. В деле сохранился следующий текст заговора:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Како же есте куры и петухи воспели, обрадовались и возрадовались о утренней заре и о белам свету и о красном сонце, о Христе, тако же бы о мне, рабе Божии, всякие люди, народ, православные цари и царицы, и велможи и всякие власти, попы и дьяки и священники, мужеской пол и женской и девицей, и неверные языки уклонялись бы мне, рабу Божию, и покарялись, и не думали бы они на меня, раба Божия имярек ни худа, ни зла, ни колдовством, ни ведовством, ни травами, ни иными мерами, ни вражними словесами, ни колдовством, ни ведовством. Как же у естава у мертвца уста и рот и зубы не растворялись, язык в голове не воротится, и сердце не возъяритца, руки не подымутца, и жили одрябнули до втораго суда, тако же бы у всех людей, у православных у царей, у цариц и великих велможей, у всяких людей, у попов, у дьяков, у священников уста, рот и зубы не растворялись, язык в голове не воротился на меня, раба Божия имярек, худыми делами, небылыми словесами. Всегда бы они о мне, рабе Божии имярек, веселились и радовались и не думали бы они на меня, раба Божия имярек, ни худа, ни зла и до века всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Другими важными сферами применения магических формул и действий были народная медицина и, так сказать, юриспруденция. Об устойчивой связи средневековой медицины (преимущественно травной) и заговоров говорилось немало; как я уже упоминал в начале этой главы, и мы с ней столкнулись, как только вышли на проблему «волхитных книжек». Но магия издавна применялась как властями, так и народом в судебно-следственных целях, для поиска виновных, в том числе — и в незаконных магических действиях. Приведу лишь один сибирский пример, относящийся уже к куда более просвещенным елизаветинским временам и показывающий, как медленно проникало даже в среду сибирских властей аристократическое российское просветительство и более рациональный взгляд на мир.

* * *

С марта по октябрь 1759 г. в Кузнецкой воеводской канцелярии шло следствие по довольно обыденному делу. Оно возникло вследствие жалобы нескольких крестьян и разночинцев Мунгацкого ведомства на тот вред, который им причиняют местные волшебники и колдуны. Главным жалобщиком был разночинец Степан Павлов, жена которого Василиса стала жертвой порчи. Это был далеко не первый случай порчи в деревне Брюхановой и соседних деревнях, поэтому крестьяне решили наконец вывести колдунов на чистую воду. Свекру испорченной, крестьянину Федору Павлову, удалось найти в соседней деревне Колтыцкой хорошего специалиста по таким делам из числа местных крестьян. Он дал Степану Павлову квалифицированный совет: «велел сокупить трех ладонов — кадильного, росного да земляного — и подать жене своей в воде выпить, с тем объявлением: егда де она оное выпьет, то де точно, кто ее испортил, будет наговаривать». Так и сделали. Опыт оказался удачным: выпив воду с ладанами, испорченная сказала, «что де съели ее трое: одна — Мунгацкого крестьянина Прокопья Уфимцова жена Татьяна наговаривала на пиво, а то де пиво подала того ж Мунгацкого станца крестьянка Василия Тихоновна жена Наталья, а... (разночинец) Хмелев им то чинить велел и с ними к той порче сообщником был». С. Павлов об этих ценных показаниях рапортом сообщил в Мунгацкую судную избу, которая немедленно арестовала оговоренных и отправила их для следствия в Кузнецк.

Кузнецкая воеводская канцелярия сразу же поняла серьезность дела и начала широкий розыск. Из показаний пострадавшей, ее родственников и многочисленных свидетелей кузнецким следователям удалось извлечь немало улик против колдунов. Оказалось, что В. Хме-

лев испортил Василису, поднеся ей наговорное пиво, когда они были «в деревне Брюхановой для питья пива в доме у томского разночинца Семена Аникина». В тот же день Василису стала бить падучая, во время приступов она кричала кукушкой и лаяла собакой. Злой умысел подтверждался и тем, что незадолго до этого крестьянка Марья Лагунова грозила Василисе, что «она де впредь будет кокушкой куковать и сабакой лаеть».

Сам кузнецкий воевода князь Чхеидзе, проезжая через деревню Брюханову, решил освидетельствовать Василису, «а по свидетельству явилось — заподлинно испорчена, и при том свидетельстве оную женку в болезни бросило опять, где ее усиленно и двое с нуждою могли от битья удерживать, причем она же в беспаметстве и вне ума своего крычала наподобие птицы кокушки и сабакой лаела и при том же выговаривала», что ее испортил Василий Хмелев.

Но последний упорно отрицал все, кроме совместного с Василисой питья пива. Отрицали свою вину и другие оговоренные. Однако в воеводской канцелярии проницательно решили, «что тому их заpiresательству верить не подлежит», ибо крестьянская экспертиза при помощи «трех ладоней» дала четкий и недвусмысленный результат, «почему они к той порче и виновными признаютца, а особливо Хмелев». Поэтому канцелярия решила вырвать у Хмелева признание трехкратной пыткой. Однако это традиционное средство не дало ожидаемого результата, ибо Хмелев, невинная жертва предрассудков, умер после первой же пытки, не признавшись ни в чем. Так как только колдун может снять наведенную им порчу, Василиса, по мнению крестьян, осталась испорченной навсегда.

В воеводской канцелярии, однако, решили, что смерть главного колдуна не должна остановить расследование, тем более что властям давно уже было известно, что в Мунгацком ведомстве не все благополучно по части колдовства. Направляя туда специального следователя с широкими полномочиями, канцелярия аргументировала это тем, что «здесь чрез постороннюю эха известно есть, что в тамошнем Мунгацком ведомстве сверх оных еще в разных деревнях многия испорченныя есть»; следователю приказывалось «заподлинно наведыватца» о всех кликушах «и, переписав, оными где, и когда, и каким случаем, и кем они испорчены... следовать», а всех подозрительных арестовать и отправить в Кузнецк.

Материалов этого широкого расследования в деле не сохранилось, но и без них очевидна обыденность, трафаретность всего происшедшего. Перед отправкой в Кузнецк В. Хмелев имел возможность спросить совета у человека бывалого, жившего по соседству кузнец-

кого разночинца Зимина. Хмелев подчеркнул при этом, «что он, Зимин, городской человек, а он, Хмелев, деревенский и порядка приказного не знает». Хмелев советовался, имеет ли смысл невинному запираяться, когда при допросах дело дойдет до пытки, или же лучше сразу признать все обвинения. Опытный советчик ответил, что по «порядку приказному» запираяться бесполезно. И он был прав. В делах о колдовстве и о богохульстве обвиняемые обычно признавались, а упрямые подследственные и в середине XVIII в., случалось, умирали под пыткой.

Кузнецкое дело по обвинению В. Хмелева в колдовстве представляется достаточно рядовым, обычным. Именно обыденностью своей оно интересно сейчас для исследователя. «Век просвещения», как мы видели, не успел еще в сибирской глубинке наложить сколько-нибудь заметный отпечаток на средневековые трафареты религиозного сознания. Это равным образом относится и к образу мышления кузнецких крестьян, и к поведению местных властей. Первые, как и раньше, считали, что среди обычных примеров нераспорядительности властей одним из самых вопиющих является их неумение освободить подведомственные им деревни от опасных колдунов. Вторые стремились уйти от такого обвинения привычными методами инквизиционного розыска. Не очень-то доверяя проницательности и умению властей, крестьяне провели успешную экспертизу по собственной методике, мобилизовав для этого народных знатоков, хорошо осведомленных в магической силе ладана. Мы видели, что воеводская канцелярия со вниманием и полным доверием отнеслась к итогам этой экспертизы, особенно после того, как сам воевода убедился, что испорченная называется имя колдуна. Характерно также, что смерть колдуна под следствием отнюдь не остановила того широкого розыска, которым подобные процессы часто оканчивались и в XVII в.

Наконец, самым традиционным является и метод порчи, связанный с волшебными наговорными формулами, сказанными над пищевыми продуктами.

Это рядовое дело, как и подавляющее большинство ему подобных, не дает исследователю самих текстов заговорных формул. Долгое время я безуспешно искал новые заговорные формулы и в архивах, и при встречах с носителями старой традиции в самых отдаленных лесных и горных поселениях.

После встречи с поклонницей Раймунда Люллия из приграничной деревеньки мне не раз приходилось на путях археографического поиска в Сибири убеждаться, что крестьянская книжная культура, как и фольклор, имела волшебные, заговорные тексты своей важной составной частью. Но сами эти тексты в руки так и не давались. И это

понятно — слишком много неординарного в теории и практике их бытования. Со времен крещения Руси их неумолимо осуждали философы, законники и политики всех идеологий — византийские авторитеты и русские епископы, нестяжатели и иосифляне, «никониане» и староверы, петровский Воинский артикул и екатерининский «Устав благочиния или полицейский». Их разоблачали «ревнители древнего благочестия» и вольтерьянствующие аристократы. С употреблением этих текстов боролись и наследием темной старины — сожжением виновников, и продуктом новомодной европеизации — «ронянием спицрутен» на их спины. А тексты жили. Потаенно — не только из-за преследований, но и из-за упомянутого поверья, что любое публичное разглашение лишает заговорный текст силы.

Повезло в конце концов не в экспедиции, а в архиве. Лишь через несколько лет после начала архивного поиска заведующая читальным залом Центрального государственного архива древних актов в Москве Нина Михайловна Васильева, чья бескорыстная помощь и активное дружелюбие известны сотням исследователей, положила мне на стол среди прочих не очень-то объемистое дело из фонда Госархива Российской империи. Листов пятьдесят стандартной канцелярской скорописи XVIII в. предварялись в деле маленьким конвертом с давно уже вскрытой печатью красного сургуча, на которой был оттиснут затейливый немецкий герб. В конверте было искомое — подлинная «волхитная книжка» (см. рис. 24 на цв. вклейке).

* * *

3 января 1737 г. в столице империи, в самом серьезном и мрачном ведомстве государственной машины самодержавия — Канцелярии тайных розыскных дел фурьер лейб-гвардии Измайловского полка Семен Алексеев «объявил письмо». Оно было адресовано самому шефу канцелярии Андрею Ивановичу Ушакову, человеку, как я уже говорил, деловому и занятому, немедленно посвятившему, однако, изрядное время следственным действиям в связи с полученным посланием.

Письмо было написано командиром Измайловского полка Густавом Бироном, братом фаворита. Оно гласило:

«Превосходительный господин генерал и кавалер, ся императорского величества генерал-адъютант, лейб-гвардии подполковник, Милостивый государь мой, Андрей Иванович!

Сегодня генваря 3го числа лейб-гвардии Измайловского полку лекарь Селкрий поданным репортом объявил, что того ж полку лекарской ученик Иван Безсонов читал незнамо какую еретическую книгу, которая книга, купно и с писмом руки ево, Безсонова, подана за

печатью в полковую канцелярию, а я оное для надлежащего рассмотрения при сем посылаю к Вашему превосходительству.

В протчем пребываю
Вашего превосходительства,
милостиваго государя моего,
покорный слуга

Gustaff von Biron

Генваря 3 дня 1737 году»

Письмо прибыло не одно — полковой фурьер «при том писме объявил же запечатанной пакет, да колодников пять человек, да в платке завязанном корень да траву, да рубаху женскую, ворот и рукава в крови». В запечатанном красным сургучом пакете находилась маленькая тетрадка в восьмушку, на 8 листах. На ней корявым почерком, неуверенной дрожащей рукой были записаны (самой фантастической орфографией) заговорные формулы.

Четкие острые буквы немецкой подписи под сопроводительным письмом явились, вероятно, причиной того, что крестьянская тетрадка избежала обычной участи записей заговоров, фигурировавших в инквизиционных процессах: по вынесении приговора их обычно сжигали. Но дело, сформировавшееся в Тайной канцелярии вокруг письма за подписью Густава Бирона, имело особую судьбу: для него даже секретные фонды ведомства Андрея Ивановича Ушакова были признаны недостаточно тайными. Дело, имевшее хотя и отдаленное отношение к семье фаворита императрицы, было изъято из фондов Тайной канцелярии и передано в наиболее секретную часть Госархива Российской империи, где обычно хранились дела, связанные с лицами императорской фамилии, — в седьмой фонд Госархива. В столь засекреченном месте документы, даже такие опасные, как черные заговорные формулы установления связи с самим Сатаной, уже не уничтожали, а хранили: не без основания предполагалось, что и сам Сатана не сможет получить к ним доступ и вызволить их оттуда во вред живым и мертвым.

Судьба большинства присланных с тетрадкой колодников была, видимо, менее благоприятной. Но вернемся к событиям 3 января 1737 г.

Немедленно по прибытии полкового фурьера в Тайную канцелярию там был составлен протокол о приеме всего доставленного — колодников и вещественных доказательств. Документ этот представляет определенный интерес, ибо содержит краткое перечисление того, что именно показалось криминальным в тетрадке заговоров многоопытным сотрудникам главной пытошной избы империи, — уже на первый взгляд, до детального следствия, и не церковным специалистам по вопросам сношения с Сатаной, а светским следовате-

лям, поднататоревшим преимущественно в раскладывании многочисленных «непристойных речей» российских подданных о своих государях по статьям указов о «слове и деле».

Протокол на первом листе упоминает два очень популярных текста, явно подпадающих, по мнению протоколиста, под юрисдикцию Тайной канцелярии: «заговор о люблении царем и властью» (близкий к тому, который читал тобольский бургомистр Яким Трухин) и «заговор от пытки огня, железа, от раны и руды и уреза... веревки и петли». Причина внимания к этим заговорам вполне очевидна, это свидетельство того, что в анненские времена даже практицизм столь высокого учреждения не мешал его сотрудникам свято верить в силу заговоров: прибегавшие к этим двум заговорам явно могли, по мнению Тайной канцелярии, недозволенными методами влиять на волю царя и прочих представителей власти, добиваясь колдовством их расположения, а также препятствовать нормальному функционированию судебной системы, заговорив себя от пытки и даже от петли.

Покончив с явно политическими аспектами дела, протоколист перешел к религиозно-нравственным. Он отметил начальные формулы заговоров, включающие отречение от Христа, отказ от крестного знамения, а также противопоставление себя христианскому миру, поведение, противоположное христианскому: «стану не благословясь, пойду не перекрестясь», «послужите мне нехристианину, от мира отреченнику, а себе возми в приреченники...». Особо была подчеркнута общая формула перехода употребляющего заговор к Сатане и использовании бесов: «о привержении к Сатане, посылке бесов для привороту». Этот интерес светского судебного ведомства к отступлению российских подданных от основ должного христианского поведения вполне соответствовал представлениям времени об обязанности государства укреплять веру, был в духе текущего законодательства. Это же относится и к вопросам нравственности: протоколист Тайной канцелярии сразу же обращает внимание своего начальства на то, что среди текстов «еретической книги» есть и «заговор о вставании жил и составов к блуду з женским и мужеским полом».

Начальство же в лице самого Андрея Ивановича, немедленно занявшегося допросами задержанных, не преминуло проявить профессиональный интерес ко всем этим вопросам. Показания колодников позволили любознательному птенцу гнезда Петрова выявить следующее.

Криминальная рукописная книга была отобрана у Ивана Васильева сына Молодавкина (по отчиму Бессонова). Еще в 1730 г. он был определен из коломенской полковой школы в лекарские ученики в Измайловский полк. До конца 1736 г. он спокойно постигал меди-

цинскую науку у иностранных лекарей полка. Но вскоре после рождения 1736 г., на святки, когда, по народным поверьям, нечистой силе попущено быть среди людей и «обратное», «вывернутое» поведение на десяток дней становилось для христиан нормой, Иван решил, что он уже вошел в возраст любви и что ему стоило бы поискать вполне национальных приворотных средств.

Он жил на Большой Никольской улице в доме акцизного подканцеляриста Семена Лыкова и именно со своего домохозяина решил начать поиск. 31 декабря 1736 г. он был у своего хозяина («для сиденья от скуки», — добавляет Иван по требованию следствия; характерная черта: чиновники рационалистического XVIII в. требуют, чтобы все детали получили логичное, понятное объяснение, от причин посещения домохозяина или кабака до способов сношения с Сатаной). Во время беседы с С. Лыковым и другим его жильцом, вологодским посадским И. В. Колотильщиковым, Иван сказал, «что приходит де ему, Маладавкину, на мысль, чтоб ему жить блудно з девками и з бабами, да не знает де он, где такова человека найти, кто б ему мог сделать, дабы ево, Молодавкина, девки и бабы любили». Вологодец тут же ответил, что знает такого человека. В тот же вечер он привел Ивана «в кронверх на голиат», где обитал умелец.

Им оказался Матвей Никитин сын Овчинников, крестьянин вотчины Соловецкого монастыря в Умской волости Архангелогородского уезда. По его словам на следствии, он ушел на заработки из вотчины в столицу вполне законно, «по прошению ево... у старосты... и у мирских людей», получив на себя с сыном паспорт. Предъявить его он, однако, не смог и сказал, что потерял. В Петербурге ему не повезло, жил он сначала на постоялом дворе, «кормился Христовым именем» и «работал... всякую черную работу» на разных людей. С постоянного двора его в конце концов выгнали, и лишь недавно, осенью 1736 г., он смог найти временное пристанище, нанявшись у купца «для караулу судов, которые имеютца в кронверхе»; он вскоре перебрался в «теплой кают» одного из кораблей.

Во время своих столичных скитаний, изрядно голодая, крепостной крестьянин вспомнил о том, что среди немногих пожитков, взятых из дома, у него есть тетрадка заговоров. Ее он собственноручно списал незадолго до своего ухода в Петербург, в 1734 г., у соседнего крестьянина А. Курбанова¹. Первого клиента доставил ему И. В. Коло-

¹ В Тайной канцелярии Матвея Овчинникова долго допытывали: если он снял копию с другой тетради, почему он не обозначил этого в соответствии с правилами делопроизводства, написав слово «копия» сверху своей тетрадки. Матвей ответил: «С простоты». Следователей всерьез интересовало — подлинник или копия договора с Сатаной перед ними.

тильщиков, которого он случайно встретил в кабаке на Малой Никольской, зайдя туда «для питья вина и пива» (разъясняет крестьянин причину посещения кабака любопытствующему генерал-адъютанту Андрею Ивановичу). Посадский рассказал случайному знакомому, что важная персона, жена «ратушского секретаря» В. Л. Карпова больна и ищет «такова человека, кто б им мог от оной болезни подсобить». Овчинников «с простоты» вызвался — «я де то могу сделать». Заговорная книжка у него почему-то была в кармане, и из кабака отправились прямо к больной. Крестьянин велел почерпнуть в реке и принести к нему воды. Когда это было сделано, он прочитал по тетрадке над водой распространенный «медицинский» заговор «от призору», а затем, следуя помещенному в тетрадке наставлению, велел больной умыться и окатиться этой водой и затем ее пить. В качестве гонорара крестьянин кроме угощения получил 20 копеек. Вскоре он пришел в этот дом еще раз, таким же образом лечил хозяйку и сына служанки, получив за это «пол хлеба да часть мяса».

Удачный первый опыт приободрил крестьянина, и осенью 1736 г. он пользовал еще нескольких клиентов из числа своих знакомых, жильцов домов, где он нанимался на черную работу, и людей, присмотренных для него И. Колотильщиковым. В доме «купецкого человека» И. Самойлова он наговаривал на воду для жены и дочери хозяйки, получил «четверть хлеба». Авдотья, работница купчихи Галкиной, просила его приворотить к ней «мушину, которой ей угоден» и принесла ему для наговора запачканную в крови, шедшей из носу, рубашку; однако обещанных денег Овчинников не получил и приворот не состоялся.

Дважды крестьянин пускал в ход заговор о благоволении властью имущих, наиболее подозрительный с точки зрения Тайной канцелярии. Заговор он читал на воск, увеличивая силу заговора таинственной силой «травы с корнем, званием одолет, а та де трава пригодна от ран, также де хто тое травку станет держать при себе, и до того человека будут люди добры».

Интересно отметить, что из этих двух случаев употребления заговора о благоволении властей первый был связан с патриархальными отношениями крепостничества, а второй — с вполне передовыми торговыми делами и санкт-петербургским купечеством, причем обе ситуации испытали влияние петровских реформ. В первом случае дворянин Николай Юшков, отправившись из родной деревни служить «простым» солдатом в лейб-гвардии Измайловский полк, прихватил с собой для услуг крепостного Матвея Юрьева. Последний, не в силах терпеть помещичьих зуботычин от солдата, был готов прибегнуть к колдовству и помощи нечистой силы, — подобно

дворовому князя Долгорукого, отнюдь не для освобождения от плохого хозяина, крепостничества, так далеко он и в мечтах не заходил, а для того лишь, чтобы «его помещик... был до него добр». Во втором случае целовальник кабака, принадлежавшего купцу Брагину, попал в немилость к хозяину и пытался исправить дело при помощи заговора. Результат волшебных действий Овчинникова в деле не указан.

В конце концов крестьянин-волшебник на свое несчастье столкнулся в новогоднюю ночь с лекарским учеником. Познакомивший их И. В. Колотильщиков объяснил Овчинникову: «Просит де сей молодец, чтоб ему сделать, дабы ево бабы и девки любили». У крестьянина мелькнули было обоснованные опасения, «дабы оной Васильев (Молодавкин. — Н. П.) с показанною тетраткою куды ево, Овчинникова, не привел». Но Колотильщикову удалось заглушить в нем голос рассудка. Этому способствовало интересное для нас обстоятельство: оказывался, прибегающий к могущественной потусторонней силе волшебный целитель сам был болен и мечтал о научной врачебной помощи для исцеления своих ног. Узнав, что перед ним ученик иноземного лекаря, он проникся к нему доверием и лишь попросил в качестве гонорара за колдовские услуги, чтобы Молодавкин «в пластырех или в ыном в чем не оставил» его.

В этой трогательной встрече двух культур, допетровских домашних традиций и послепетровских западных новаций, стороны быстро нашли общий язык. Этому способствовала, кроме выпитого за достигнутое взаимопонимание вина, и добрая коломенская закваска представителя научной медицины в этой сделке. Когда же волшебная тетрадка попала в руки его учителя, иноземного лекаря Селкрия, тот сразу понял, что лучшее место для таких народных традиций — в Тайной канцелярии.

Случилось это так. Овчинников сразу же решил показать Молодавкину товар лицом и торжественно прочитал ему тексты любовных заговоров, которыми он располагал. Тексты и впрямь были впечатляющими, пронизанными яркими образами, поэтическими сравнениями. В «волхитной книжке» был целый набор их, начинавшийся со сравнительно нейтрального по отношению к церковному учению заклинания, прекрасного по своему художественному строю, и кончая формулами прямого отречения от Христа и перехода под власть Сатаны. Древнейшие народные представления о загадочном, колдовском характере любовного влечения, подчас неподвластного человеческой воле и разуму, отразились в этих отточенных веками строках.

Вот эти тексты, следующие в «волхитной книжке» сразу же за библейским псалмом. Мы публикуем их ниже, лишая их тем самым, по народным взглядам, всей колдовской силы.

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Ой еси месяц и вы, чистые звезды и буйные ветры, вода и земля и лес и трава, синее море и огненная река, снесите и спроводите из миня, раба имярек, тоску, сухоту и кручину велику, мысль немалую, печаль необычную в рабу Божию имярек, чтобы той тоски тосковала и сухоты сохнула и кручины велики, не могла бы в мыльне веником спарить, ни водою смыть, ни обдавать, ни отцем, ни матерью не пособить, ни помогати, ни колдуном, ни колдунницею, ни самоией собою, рабою имярек, покамест меня, раба Божия имярек, не увидит и не осмотрит и не обозрит и со мною вместе не пребудет, по та мес[та] бы ей не вместило было ни ясти, ни пити, ни спати, ни лежати, ни думати, ни с отцем, ни с матерью, ни с гостями, ни с ыными людьми ни с какими.

Во имя [Отца и Сына] и Духа Святаго. Аминь.

Говорить на плат чистой тридевять раз встречу, платом после бане махнуть на лавку.

Стану не благословясь, по[й]ду не перекрестясь из ызбы не двермя, из двора не воротьми, и выду на широкую улицу и посмотрю я, раб имярек, по всему белому свету, посмотрю по земли и под вышние небеса и под черные облака. Под высокими небесами и под черными облаками узрю я, раб имярек, змия огненного со огненным пламенем и со огненным колесницею. И скрычу я, раб имярек, и спрошу я, раб имярек, у тебя: Коды еси ты полетела, полетела со огненною колесницею и со огненным пламенем. И говорит змий огненный: Полетела я за тридевять мор и за тридевять озер и в Вавилонское царство мор, озер и рек сушити и [в] Вавилонском царстве лесу, пенья, колодыа зажигати. И послужи ты мне, нехристиянину, от мира отреченнику, а к себе возми в приреченники, и твою волю буду творити, по средам и по пятницам поганы ходити, а в родите[ль]ские дни блут творити. И возму я, раб имярек, своей похоти и плоти, юности и ярости, и положу на хрустальное зеркало. Скрозь мою похоть и плоть и мою юность и ярость, в кой день или в кой час или в которую четверть посмотритце в тое зеркало, в тот день и в той час и в ту четверть отьсуши у сей рабы имярек тело румяное и лице белое и зажгите в ней ретивое сердце, горячую кровь, хоть и плод и мочь, юность и ярость и все 70 жил и 70 составов и три и две и едину жилу и единой состав. А чья стена в зеркале, то вам, а она, раба имярек, ко мне телом и сердцем, умом и разумом, плотью и похотью и всеми жилами. И чтобы она, раба имярек, по мне, рабу имярек, думала да сохла, горевала, тосковала и плакала по всякой день и по всякой час и по всякую четверть часа.

И выду я, раб имярек, далече в чистое поле, стану на запад лицом, на восток хрептьом. И как утренняя зоря Мария не может на сестру

свою Ульянею насмотретце ни наглядетце, и вечерняя зоря Ульянея не может на сестру свою Марию ни насмотретисе, ни наглядетисе, и тако бы та моя сия раба имярек не могла бы на меня, раба имярек, ни насмотретисе, ни наглядетисе по всякой день и по всякой час и по всякую четверть часа.

И выду далече в чистое поле, к поганому морю. И есть на поганом море доска, а на той доске сидит сама тоска, без рук, без нок, без глас, а сама плачет, тоскует и горюет по ясных очах и по белому свету. И поди та тоска и сухота в ту мою рабу имярек, и чтоб ей по мене, рабу имярек, тосковать и горевать и плакать век по веку, отныне и до веку. А коль тошно и горько той тоски на той доске, как она не видит белого свету, столь бы было тошно и горько той рабе имярек, как она меня, раба имярек, не увидит на которой день и на которой час и в которую четверть, она бы тосковала да горевала, сохла и плакала, в день при солнце, а в ночи при месяце, при частых звездах и при буйных ветрах, на зорях на утрянной и на вечерне[й] не могла бы ни пити, ни ясти, ни с кем слова говорить, все бы она одно думала да мыслила, да сохла, тосковала по мне, рабу имярек.

И еще я выду и выступлю далече в чистое поле, ис чистого поля пойду к поганому морю, сидит наш царь сам Сатана со своим зятем Ерзоулом. О еси ты царь юноша бес Сатана со своим зятем! Как ты мне дашь и пошлешь своих послуживцев только разжести и распалити и мне послужити сию рабу имярек тритцать три и един Ерзоул, Ерохъмид, Марвс бес, Крив, Ток да Маток, Котыга да Матыга, Смуцало, Зажигало, Разжигало, Потыкало, Тял да Матял, Такуса да Маруса, Лук, Мирулей, Мираха, Прочаха, и еще Проданя, Тихия, Сахия и Елизуда и Дагруд и Щирих и все ваше обладательство. Призываю я вас к себе и посылаю я вас к сей рабе имярек, подите вы и послужите и своего царя отца Сатыну спослушайте, а моими думами, а своими стрелными крепкими луками и крепкими вострыми огненными палашиами, и зажгите и пострелите, смутите и подкните, искусите сию рабу имярек, где вы застанете, в нощи на месте, а в день при беседе, в пути или на дороге, или в хрустальном зеркале, у коей вынятам ее стена, отда на вашему отцу Сатане, а чья стена, то вам, а она ко мне, рабу имярек, телом, душою и сердцем[м] и мыслями своими. И мы станем вашу волю творити, по средам и пятницам поганы ходити, а в родительские дни блут творити.

И тем моим крепьким словам замок в щуке в рыбе, у ней в зубах в Доне реке, а ключ у самого Сотоны в коленях. Во веки веком».

Прочитав эти тексты, Овчинников пообещал Молодавину успешно пустить их в ход, как только тот найдет подходящую кандидату. Прельщенный надеждой получить для своей больной ноги

медикаменты заморского лекаря, архангельский крестьянин изменил своей обычной осторожности и в конце концов отдал лекарскому ученику для копирования заветную тетрадку. Это его и погубило. Молодавкин принес тетрадку домой и начал ее переписывать с самого безобидного текста — с включенного в эту колдовскую подборку в качестве заговора отрывка из Библии — 151-го псалма. За этим занятием его застал другой лекарский ученик того же полка Иван Соколов. Последний, следуя императорским указам (а может быть, и зову своего сердца), немедленно донес на товарища Селкрию, определив этим мученическую гибель Молодавкина. Полковому врачу и в голову не пришла опасная мысль спасти своего ученика, и вскоре посланные полковой канцелярией солдаты арестовали кроме Молодавкина Овчинникова с сыном и Колотильщикова с женой.

Трое виновных сразу же признались в главном, дело было сравнительно ясное, и Андрей Иванович вел его без особых зверств. Убедившись, что против Татьяны Колотильщиковой прямых улик нет, он через несколько дней отпустил ее, даже не прибегнув к традиционной проверке невиновности пыткой. В Тайной канцелярии вообще никого из задержанных по этому делу не пытали, хотя поводы к тому были, — признавая все факты, обвиняемые отказывались квалифицировать их как противное православию волшебство, Молодавкин и Колотильщиков уверяли даже, что не подозревали о содержащихся в заговорах формулах отречения от Христа и верности Сатане. В показаниях всех трех главных обвиняемых было достаточно признаний, опираясь на которые можно было бы легко опровергнуть оба эти утверждения, но следствие не стало делать этого, не применило обязательной в этих условиях пытки.

Матвей Овчинников, конечно, понимал, что у него вряд ли остаются шансы уцелеть, но изо всех сил пытался выгородить сына Анофрия, доказывая, что тот ни о чем не догадывался. Это ему удалось: 1 апреля 1737 г. было постановлено Анофрия из Тайной канцелярии выпустить и передать его феодальному хозяину — архимандриту Соловецкого монастыря.

В подходе Тайной канцелярии к этому делу заметны как давняя инквизиционная традиция, так и влияние «осьмнадцатого века» просвещенного абсолютизма. Следствие велось не слишком дотошно, и при первой возможности А. И. Ушаков передал его в другую инстанцию, определив, однако, суровейший приговор лекарскому ученику.

Как мы уже упоминали, законодательство XVIII в. по вопросу о заговорах и колдовстве также было довольно неоднозначным. Еще в Воинском артикуле Петра Великого просвещенный государь, рассматривая в самом начале памятника важный вопрос о предотвраще-

нии ущерба, который заговоры могли бы нанести боеспособности войска, приказал накрепчайше запретить «чародейство и чернокнижество» как в войске, так и повсюду, оговорив, что «ружья заговоритель» или иной чернокнижник и чародей должен быть «ронянием шпицрутен наказан или весьма сожжен имеет быть»; в толковании этой главы разъяснялось, что сжигать нужно чародея, который успел своим колдовством причинить кому-либо вред или «действительно с дьяволом обязательство имеет». Для прочих же предназначено упомянутое телесное наказание.

Но в то время, когда Тайная канцелярия занималась делом Молодавкина, решение дел о колдовстве определялось не только Воинским артикулом, но и сравнительно недавно принятым указом от 20 мая 1731 г. Анны Иоанновны, подходившей к колдовству одновременно и более противоречиво, и более сурово. С одной стороны, в указе была типично просветительская мысль о том, что колдовство есть обман простого народа мошенниками, действующими в корыстных целях, а сами «чернокнижники» Воинского артикула рационалистически именовались уже «мнимыми волшебниками». Но, с другой стороны, подчеркивалось, что эти обманщики не только наносят урон кошельку своих жертв, но и губят их души, вызывают на них «гнев Божий, а по гражданским правам наказанию, а иные по винам и казни». Соболезнуя жертвам обмана, указ, однако, резко ужесточал наказание не только обманщиков, но и их жертв. Для первых провозглашалось безусловное сожжение, для вторых — наказание кнутом или «по важности вин» тоже сожжение. Просветительский взгляд о более мягких наказаниях за волшебство и заговоры победил в законодательстве много позднее, лишь в екатерининские времена.

Именно суровый указ от 20 мая 1731 г. был выписан в Тайной канцелярии в справку при определении судьбы арестованных по делу о тетрадке Овчинникова. Однако А. И. Ушаков явно соотносил свое решение и с Воинским артикулом. Он предпочел поверить легко опровергаемому делом утверждению Молодавкина о том, что тот не подозревал о формулах обязательства Сатане в заговорах. Было принято во внимание и сообщение арестованных о том, что все они считают себя православными, имеют отцов духовных, исповедовались и причащались. (Правда, при этом Овчинников сказал, что он отца духовного имел лишь в деревне, а в столице «за скудостью» не имел; Молодавкин сказал, что регулярно исповедовался у полкового священника, но имени его вспомнить не смог.)

1 апреля 1737 г. в Тайной канцелярии было принято за подписью А. И. Ушакова определение по делу: М. Овчинникова и И. Колотильщикова как лиц гражданских передать для дальнейшего следствия в

столичную воеводскую канцелярию. Ивану Молодавкину за недоносительство на Овчинникова, чтение дома заговора и переписку псалма «для мнимой себе пользы» (!) было приказано «учинить наказанье, гонять спицърутен чрез полк три раза». Такого количества ударов было достаточно, чтобы убить и крепкого мужчину, тем не менее любивший порядок шеф Тайной канцелярии добавил в своем решении, что после наказания он должен быть переведен в другой полк. Трудно предположить, чтобы переданные в воеводскую канцелярию могли отделаться менее тяжелым наказанием, тем более что в определении А. И. Ушакова была особо подчеркнута серьезность их вины.

Дело лекарского ученика, как и другие подобные ему дела, — неопределенный источник по истории народных верований, крестьянских представлений о мироздании.

Принято считать, что водораздел между официальными церковными и древними народными верованиями проходит по линии православие — язычество. Этот взгляд подкрепляется и обильнейшим церковным и государственным законодательством периода феодализма, направленным на искоренение народных языческих обрядов и представлений. Однако на деле вопрос этот куда сложнее. Крестьяне, прибегавшие к заговорам, даже писавшие категорические формулы договора с Сатаной, отречения от Христа, отнюдь не считали себя при этом богоборцами, сокрушителями устоев православия, даже просто неправославными. Овчинников, например, уже после подробного признания в переписывании заговорных текстов и в многократном (подчас успешном) их применении продолжал категорически утверждать, что «волшебства никакова не чинивали, волшебству никакому ни у ково не учивалися, и волшебников никово он, Овчинников, не знает и отрицания от Бога он, Овчинников, не чинил и разговоров никаких об оном отрицании и склонном к волшебству не вел». С точки зрения тактики поведения на следствии после подробного рассказа Овчинникова, изложенного нами выше, такие заявления были довольно бессмысленными.

Сходным образом вели себя подследственные и в других подобных делах, известных нам. Многие из них избегали церковной исповеди и причастия, но при этом, несомненно, продолжали считать себя православными.

Странную на первый взгляд логику подследственных можно дополнить, казалось бы, не менее странным поведением следователей. Овчинникову и Молодавкину, как мы видели, настойчиво инкриминировали переписывание и чтение вполне канонического церковно-

го текста, мало того, текста богодухновенного по официальной церковной догме — последнего псалма Псалтири. В первые годы правления Екатерины II Тобольская консистория сурово вела дела ялutorовских крестьян Якова Плоских и старосты Григория Жубакина, употреблявших в качестве заговоров, охранявших от порчи, распространявших тексты христианских молитв — Иисусовой молитвы и тропаря кресту. Но ведь и сама церковь учила прибегать к этим молитвам для защиты от нечистой силы!

Все эти странные нелогичности являются таковыми лишь с точки зрения более поздних понятий, в частности — о жесткой разграниченности православия и народного язычества, на деле давно уже в немалой мере воцерковленного. Следователям Преображенского приказа было ясно, что богодухновенный текст, молитва используются, минуя церковную организацию, для осуждаемого ею ворожебного действия в одном ряду с заговорными формулами. Обращения к Христу чередовались в «волхитных книжках» с призыванием помощи Сатаны. Все это было попыткой воздействия на судьбу, божественную предопределенность с непозволительно прагматическими целями. В системе же народных религиозных представлений убежденность в собственном православии уживалась и с внецерковной практикой, и с предельно прагматическим отношением к молитве-заговору, и даже с призыванием на помощь, наряду с Богом и святыми, дьявола и бесов, с уверенностью в их огромном могуществе на земле. В этом можно увидеть некоторые отголоски прежнего народного дуализма религиозного сознания. В своем ярком исследовании о природе русского скоморошества, «смехового мира», ленинградский исследователь А. М. Панченко подчеркивает: «Обобщая весь обширный и разнородный материал, касающийся древнерусского веселья и смеха, мы снова и снова сталкиваемся с проблемой дуализма... согласно которому добро и зло, Бог и дьявол равновелики и равноправны... В культуре русского средневековья хватало места и для религиозного дуализма. Он несомненно существовал уже в XI веке, что бесспорно удостоверяет Повесть временных лет под 6579 (1071) г.»

Конечно, в период позднего феодализма официальные церковные взгляды о безусловном превосходстве Бога над Сатаной достаточно укрепились и в народной среде, что вряд ли позволяет говорить о дуализме в «чистом виде» (А. М. Панченко подчеркивает, что такого «чистого вида» нет и в весьма сложном мировоззрении Ивана Грозного). Но некоторые отзвуки былых представлений, в том числе и о власти Сатаны, видны в народной культуре не только допетровского, но и послепетровского времени. Церковь активно боролась с такими представлениями, в частности с призыванием помощи Сата-

ны в заговорах, как, впрочем, и помощи Господа, святых. Правда, Церковь сама призывала обращаться к небесным силам с молитвами о вполне конкретной помощи. Но она строго осуждала прагматизм тех, которые ставили свою веру в зависимость от действенности этих молитв.

Характерный пример такого осуждаемого прагматизма проявил в 1752 г. человек послепетровской формации, сургутский воевода, коллежский асессор Алексей Жохов. Вскоре после смерти жены у него опасно занемог сын. Тогда воевода неосторожно сказал в присутствии нескольких горожан и ямщиков, посмотрев на образ Спаса: «Господи, помилуй и избави сына моего Василья от одержания его болезни, и ежели он здоров будет, то буду Тебе, Творцу, молитца и веровать; ежели же сын мой в сей болезни умрет, то уже де я не хочу Богу молитца и веровать, и несть де Бога на свете, а сей де образ вынесу на площадь, велю кнутом дать ударов с пятьдесят и исколю всего». Атеистические моменты являются здесь, конечно, просветительской новацией, привычка чуть что угрожать кнутом — признак безграничной воеводской власти, но тем не менее весь случай характерен для традиционного народного сознания. Сын воеводы выздоровел, и наказывать Спаса кнутом не пришлось, но, конечно, на воеводу донесли. Власти посмотрели на это дело очень сурово, и незадачливый асессор умер под пыткой.

И прагматическое ожидание немедленного действия от молитвы, и признание равной власти Бога и Сатаны на земле, и попытки сношения с потусторонними силами вне Церкви последняя, конечно, объявляла противным православию язычеством. Но хотя генетически многие особенности народных верований и впрямь восходят к язычеству, хорошо известно, что и ортодоксальное православие восприняло немало дохристианских черт, и далеко не одних моно-теистических. А ведь такое «воцерковленное язычество» в системе официальной православной догматики отнюдь не превращает церковное вероучение и обряд в языческие. Подобным образом крестьяне, употреблявшие заговоры, в том числе и самые «черные», продолжали считать себя православными. Конечно, по многим параметрам их православие резко отличается от ортодоксального церковного, и дело науки — объективно изучить эти отличия. К тому же приходится учитывать, что и отношение Церкви к «воцерковленному язычеству» в разное время было разным.

Среди древних рукописей, подаренных Михаилом Николаевичем Тихомировым Сибирскому отделению АН СССР, есть очень ранний (конца XIV — начала XV в.) список интереснейшего памятника XII в. — «Вопрошания Кирикова». Священник Кирик спрашивал своего епис-

копа Нифонта, как поступать во многих случаях, когда языческие традиции приходили в явное столкновение с церковной практикой. Как показал еще советский исследователь Б. А. Романов, епископ проявлял в своих ответах поразительную терпимость к язычеству. Позднее церковь постепенно ужесточала свою позицию в этой сфере. XVIII в. принес здесь немало нового, в частности, под влиянием таких важных политических событий, как борьба Петра I с церковной оппозицией и начавшаяся общая секуляризация идеологии. Всеобщая государственная тенденция к «регулярству» распространяется и на эту область: начинается строгая регламентация того, какие церковные обряды, чудеса, местные культы считать законными, православными, а какие — незаконными, языческими. Как раз в год следствия над Молодавкиным многочисленные синодальные комиссии работали в разных губерниях России, решая этот непростой вопрос; основания для принятия решения были подчас чисто бюрократические — наличие или отсутствие соответственно оформленной документации.

Конечно, многовековые усилия Церкви по внедрению в народную среду ортодоксального учения и обряда не могли ко времени позднего феодализма оставаться безрезультатными, но итог этих усилий подчас существенно отличался от задуманного — внедряемые понятия подвергались иногда важной трансформации.

Недавно существенный вклад в опровержение расхожего мнения о том, что народные массы позднефеодального общества были язычниками, чуждыми христианству из-за сложного характера его богословских догм, внесла Н. В. Поньрко — участница новосибирских археографических экспедиций, а затем ленинградская исследовательница. Она показала значение такого важнейшего канала передачи многих отвлеченных понятий христианского мировоззрения, каким являлись хорошо всем известные литературные и литургические тексты, песнопения, тесно связанные с народными календарными праздниками.

Что же касается языческих по происхождению черт народного мировоззрения XVII–XVIII вв., то здесь, как мы видели, речь может идти о следующих трех ситуациях. Во-первых, это «воцерковленное язычество», признаваемое православием как в системе православной ортодоксии, так и в народных верованиях. Во-вторых, это генетически языческие черты позднефеодального религиозного сознания, которые в системе народных взглядов считаются вполне допустимыми и нисколько не противоречащими христианству, а в ортодоксальном церковном православии преследуются как неправославные. В-третьих, это такое язычество, которое признается неправославным как народным сознанием, так и церковным богословием: заговоры черной магии,

договор с Сатаной и т. д. Мы увидим в следующей главе, что крестьяне изредка в таких заговорах вспоминают богов языческого пантеона, например Перуна. Но важно подчеркнуть, что и языческие боги понимаются уже ими, как и Церковью, в категориях христианской демонологии. Дело Молодавкина, как и многие ему подобные, наглядно иллюстрирует следующее важное обстоятельство. Допуская иногда, в определенных условиях, «вывернутое» по сравнению с обычным поведение, человек средневековой культурной традиции чаще всего не считал это окончательным, постоянным разрывом с привычными церковными нормами и догмами. Во всяком случае — в России.

Мы видели уже, сколь условны грани между этими тремя ситуациями.

Преследование официальным православием народных верований как «язычества» объясняется далеко не одной бюрократической регламентацией Синода и имело место за много веков до создания Духовной коллегии при Петре. Церковь отчаянно боролась против язычества русских народных верований в самом начале, в X в. Мы видели, что обличения народного язычества звучали и в патриарших грамотах XVII в., и в синодальных указах «века просвещения». Но очень опасно ставить знак равенства между началом и концом этого многовекового пути Древней Руси. В первые века русского христианства Церковь, как это прекрасно показано в блестящей работе советского историка Б. А. Романова «Люди и нравы Древней Руси»², утверждаясь в языческом обществе, умело «воцерковляла» языческие праздники, обычаи и обряды, подчас признавая многое из того, что для паствы еще было привычным язычеством. Но времена менялись, немало таких уступок было затем взято назад, а семь веков проникновенной работы всей церковной организации не могли не принести результатов. Было бы наивно считать, что один из наиболее прочных и действенных институтов средневекового общества столетиями работал впустую. В XVI–XVIII вв. крестьяне (т. е. «христиане») обращались уже друг к другу: «Православные!» И это слово было для них не пустым, формальным звуком. Сейчас уже Церковь клеймила как язычество немало такого, что народ считал вполне христианским. Хорошо известны грамоты царя Алексея Михайловича и патриарха Никона, строго осуждавшие любые заговоры как душепагубное язычество. Но среди заговоров XVII в. многие являются молитвенными просьбами, обращенными к христианским святым, Деве Марии и самому Христу. Есть такие тек-

² Эта плохо принятая партийными идеологами книга во многом опиралась на фундаментальную монографию проф. П. С. Смирнова «Древнерусский духовник», изданную в 1913 г. в Московской Синодальной типографии.

сты и в тетрадке Молодавкина. Почему же Церковь, всячески приветствуя «теплую народную веру», так ожесточенно боролась с этими молитвами, с этой народной верой, объявляя их языческими?

Однажды при обсуждении этих проблем в Пушкинском доме Н. В. Понырко в ответ на наш вопрос высказала поддержанную Д. С. Лихачевым мысль, что церковные преследования народных верований во многом объясняются тем, что даже сходные мировоззренческие понятия народ выражал на своем, весьма отличном от церковного языке. Знакомство с заговорными формулами убедительно подтверждает это. В «волхитной книжке» Молодавкина, например, постоянно встречаются изобразительные средства, характерные для таких жанров фольклора, как волшебная сказка, былина. Отметим хотя бы устойчивые фольклорные сочетания: «красное солнце, светлый месяц и частые звезды», «свеча воску ярова», «чистое поле», «утренняя медвянная роса», «язык тетеревиной, а сердце заячье», «тело белое, кровь горячая, уста сахарные», «в ретивое сердце, в черную печень», «вышние небеса и черные облака». Фразы заговоров строятся по традиционным фольклорным формулам сравнения.

В то же время далеко не один лишь язык (даже при широком понимании этого термина) отличает народные взгляды в этой сфере от ортодоксальных. Примечательные различия присутствуют не только в тех заговорах, генетическая связь которых с языческим мировоззрением несомненна, но и в таких, которые «являются по существу народными импровизациями православных молитв» (по меткому выражению видного специалиста по истории народного сознания М. М. Громыко).

Существовали важные мировоззренческие различия, которые мы наблюдали уже на примере дела Молодавкина и Овчинникова. С точки зрения церковной догмы упомянутый практицизм заговоров, заклинаний был попыткой воздействия на божественную волю и божественное предопределение, несовместимые с самими основами понятия о Боге, Его всемогуществе. Сочетание в «волхитной книжке» Овчинникова заговоров, призывающих помощь Христа и Сатаны, возможно, отражало древние представления о равенстве их власти на земле.

И наконец, самое важное. Видный советский исследователь В. М. Жирмунский вслед за несколькими отечественными и зарубежными учеными подчеркивал, что главное отличие магического заговора от христианской молитвы — в его «незаконности» с точки зрения церкви. Всю эту проблему Жирмунский рассматривал с позиций четкой формулы А. И. Белецкого: «Если магия находится в руках церкви, она не преступна; если она в руках ее врагов — она осуждена. Чудеса обеих магий

одинаковы. Можно сказать, что колдовство — это незаконное чудо, а чудо — законное колдовство». Это выводит нас на важнейшую догму православия, связанную с девятым членом Символа веры, — о возможности спасения и общения со сверхъестественным миром только через официальную церковную организацию. Применение любых способов колдовства, любых заговорных формул, даже, например, распространенное гадание по Псалтыри есть призывание сверхъестественных сил независимо от церковной организации и, следовательно, вопреки ей. И с этой точки зрения церковная догма нарушается и «белым» заговором-молитвой, и «черным» — призыванием Сатаны и бесов. Это опирающееся на Символ веры церковное учение народным сознанием подчас не принималось.

Это лишь короткий перечень проблем, встающих при чтении «волхитной книжки», отобранной в 1737 г. у лекарского ученика. Но в заключение этой главы нам хотелось бы только назвать, не углубляясь, один более общий аспект вопроса, на который вывело исследователей изучение магических заговоров, заклинаний с призыванием в помощь человеку злых сатанинских сил. Только что упомянутое суждение В. М. Жирмунского было сделано им в связи с изучением известного памятника народной литературы западноевропейского Средневековья «Легенды о докторе Фаусте». Тема заговоров, договора с Сатаной — фаустовская тема. Это одна из вечных этических тем — тема применения сил зла на пользу или во вред смертным, проблема самой сути сил добра и зла. Напомним, что эта тема вынесена строкой из гетевского «Фауста» в эпиграф к бессмертному роману Михаила Булгакова.